

Концептуализация стратегии США в технологической войне против КНР: экономика, политика, технонационализм

Иван Владимирович Данилин

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-4-21-38>

АННОТАЦИЯ

В работе анализируется так называемая американско-китайская технологическая война 2017–2020 гг. в сфере прорывных цифровых технологий, ее истоки, факторы и иные аспекты с акцентом на рассмотрение американской стратегии по ограничению возможностей технологического развития КНР. Целью исследования является концептуализация американской стратегии технологической войны, а также оценка характера и перспектив технологических конфликтов. Статья представляет собой исследование с использованием компаративного, исторического подходов и элементов системного экономического анализа, отдельных элементов неореалистских и конструктивистских подходов. На основе изучения ключевых драйверов технологической войны (применительно к позиции США), а также сравнительно-исторического анализа наблюдаемых процессов и применяемых инструментов борьбы за технологическое лидерство сделан вывод о том, что технологический конфликт является новым феноменом, определяемым в том числе спецификой цифровых технологий и экономическими изменениями последних десятилетий, но сохраняющим естественную преемственность по отношению к геополитическим и экономическим конфликтам прошлого и к существующим стратегиям и инструментарию. С учетом особенностей нового конфликта и цифровых технологий сделан вывод о возможности описания американской политики в рамках скорректированной версии концепции неотехнонационализма (укрепление национального технологического потенциала и суверенитета посредством глобальных экономических инструментов). Отмечено, что в условиях цифровой революции и при анализе столкновения сверхдержав эта концепция предполагает достижение целей через обеспечение преференциального доступа к таким специфическим ресурсам развития, как глобальный человеческий капитал и большие первичные данные, формирование систем стандартов и проч. В заключении отмечается, что стратегия США при Д. Трампе, приведшая к более жесткому американскому курсу в технологической войне с КНР, определялась не только личностными характеристиками президента, но и объективными обстоятельствами. В частности, необходимостью слома старых неэффективных практик для формирования новых решений и подходов. Автор приходит к выводу о том, что в перспективе США сделают акцент на выстраивании техноэкономических режимов как более системной стратегии реализации технологического конфликта в адаптированной неотехнонационалистической логике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

передовые цифровые технологии, санкции, США, Китай, технонационализм

Быстрое усиление научной, инновационной, промышленно-технологической и военно-технической мощи КНР в 2010-х гг. привело к росту обеспокоенности США, стремившихся сохранить свое экономическое и глобальное лидерство, снизить ущерб, связанный с утечкой производств и технологий в КНР и растущим торговым дисбалансом. Как следствие, с начала 2010-х гг. Вашингтон стал предпринимать все более системные меры по принуждению КНР к отказу от традиционных форм промышленной политики и протекционизма, защите интеллектуальной собственности США и – шире – ограничению доступа китайских компаний к американским технологиям и технологическим активам (в том числе через противодействие практике принуждения к трансферу технологий и ноу-хау)¹. Обеспокоенность США и их давление на КНР усилились в результате успехов китайского технологического сектора и проактивной инновационно-технологической политики, в том числе программы *Made in China 2025* (с 2015), вызвавшей большой резонанс в США.

С приходом в Белый дом администрации Д. Трампа политика экономического сдерживания Китая перешла на принципиально новый уровень. С 2018 г. между двумя странами началась настоящая торговая война².

Особую роль в этом экономическом конфликте играют высокие технологии, прежде всего цифровые. В центре противостояния оказался целый ряд перспективных (*emerging*) цифровых технологий и решений: от телекоммуникационного оборудования стандарта 5G и искусственного интеллекта до онлайн-платформ и сервисов (*TikTok*, *WeChat* и проч.). В 2017–2018 гг. администрация последовательно развивала мероприятия по ограничению китайских технологических возможностей и глобальной экспансии в цифровой сфере³. Пик активности пришелся на 2019–2020 гг., когда были введены наиболее жесткие меры, что позволило некоторым обозревателям и аналитикам говорить о технологической войне (по аналогии с торговыми войнами).

Существовали как минимум три основные группы ограничений. Во-первых, на доступ ряда наиболее передовых в научно-технологическом отношении китайских предприятий в сфере электроники (*Huawei*, *ZTE*, *SMIC* и др.) к ключевым технологиям и техническим решениям в сфере разработки и производства передовых чипов, иной электронной продукции и обеспечивающим программным решениям. Во-вторых, на доступ китайских субъектов (компаний, академического сектора, государственных структур) к знаниям и профессиональному ресурсу США – через ограничения на академические обмены и научно-образовательную кооперацию, на китайские венчурные инвестиции в американские стартапы и проч. В-третьих, на доступ технологических субъектов КНР к американскому рынку (вплоть до принудительной замены телекоммуникационного оборудова-

1 См., например: Steinbock 2018; Салицкий, Семенова 2019; Qin 2019; Mascitelli, Chung 2019; Chen et al. 2020; Лексютина 2020, 89; "U.S. weighs restricting Chinese investment in artificial intelligence," Reuters, June 13, 2017, accessed November 25, 2020, <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-artificialintelligence/u-s-weighs-restricting-chinese-investment-in-artificial-intelligence-idUSKBN19420X>; Adam Segal, "When China Rules the Web," Foreign Affairs, September/October 2018, accessed November 25, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-08-13/when-china-rules-web>; Torsten Riecke, "Resilience and decoupling in the era of great power competition," China Monitor, MERICS, August 20, 2020, accessed November 25, 2020, https://merics.org/sites/default/files/2020-08/Merics_ChinaMonitor_PowerCompetition.pdf.

2 Steinbock 2018; Труш 2018; Evenett 2019a; Салицкий, Семенова 2019; Chen et al. 2020; Лексютина 2020.

3 Основные этапы и события технологической войны США и КНР изложены в: Sun 2019; Chen et al. 2020; Evans 2020; Данилин 2020.

ния *Huawei* и попыток запрета *TikTok* и *WeChat*), американскому венчурному капиталу и иным инвестиционным ресурсам (в том числе ужесточение требований к листингу и присутствию на американских фондовых биржах).

Учитывая огромное значение перспективных цифровых технологий для экономического развития и США, и КНР, а также долгосрочный характер американо-китайских противоречий (в том числе в инновационной и технологической сферах) возникает несколько важных исследовательских проблем. В частности, речь идет о концептуализации новой американской стратегии технологической войны, включая анализ ее ключевых мотивов и драйверов. Подобная работа, помимо прочего, позволит также определить, является ли данный феномен эволюцией уже существующих международных подходов и процессов, новым перспективным видом международного или геополитического / геоэкономического противостояния великих и региональных держав или же уникальным явлением, характерным для конкретного момента и / или группы перспективных технологий.

Обзор литературы

Статья представляет собой исследование с использованием компаративного, исторического подходов и элементов системного экономического анализа, отдельных элементов неореалистских и конструктивистских подходов. Свод научных и аналитических публикаций, необходимых для исследования и концептуализации стратегии США и американо-китайской технологической войны, имеет комплексный характер, соединяя в себе несколько различных блоков литературы: по торговым войнам, санкциям, развитию, а также технологическому противостоянию.

Изучение литературы по торговым войнам, включая и текущее противостояние США и КНР, имеет большое значение для понимания общего контекста этого противостояния, его основных этапов и – шире – основных мотивов экономического конфликта. Существующие работы сосредоточены либо на анализе общей динамики и истоков противостояния (подобный подход особенно характерен для российских работ¹), либо (зарубежные публикации) на оценке и моделировании экономических эффектов для обеих сторон и других подобных вопросах². Также были рассмотрены смежные работы, связанные с проблематикой защиты рынков и государства, развития и сопутствующих вопросов³.

Сравнительно небольшое число теоретических и обобщающих работ по санкциям – прежде всего, труды таких классиков, как Г.К. Хафбауэр, У. Кэмпфер и А. Ловенберг⁴ – весьма информативны для анализа логики, целей, стратегий и «механики» санкционных мероприятий (в том числе в технологической сфере), частично – отдельных международно-политических и геополитических аспектов технологических санкций. Не менее важны они и для систематизации мотивов

1 Труш 2018; Evenett 2019a; Салицкий, Семенова 2019; Лексютина 2020. В определенной степени обзорным можно считать, например, декабрьский выпуск *Journal of International Economic Law* за 2019 г.

2 См., например: Steinbock 2018; Li et al. 2020.

3 Почти классические примеры применительно к развивающимся странам: Эльянов 2005; Wade 2018; к развитым – Mazzucatto 2011; Wade 2014.

4 Kaempfer, Lowenberg 2007; Hufbauer et al. 2008; Hufbauer, Jung 2020.

санкций: от изменения внешнеполитического поведения режимов-«мишеней» для санкций до акцента на ограничении потенциала страны-оппонента и решения международных репутационных и внутривнутриполитических задач страны-инициатора санкций.

Хотя вышеуказанные группы работ имеют непосредственное отношение к рамочным условиям и отдельным аспектам технологической войны, в целом они обладают иным фокусом исследования и напрямую не рассматривают ни феномен технологических конфликтов *per se*, ни обуславливающие их стратегии. По той же причине они в основном игнорируют связку геополитической / международно-политической и экономической проблематики, а также политических стратегий и дискурсов, важных для рассматриваемой темы.

В связи с этим нами был предпринят более широкий анализ литературы и аналитических материалов, включая работы по феномену технонационализма, все более часто упоминаемого в связи с американо-китайским конфликтом¹. По сути, речь идет об осмыслении экономической проблематики (например, протекционизма, внешне ориентированного развития) в терминах и логике стратегий властных и экономических элит, потенциалов, частично политической психологии. Данные исследования имеют междисциплинарный характер (политология с элементами экономических методов), однако по некоторым акцентам предлагаемый подход максимально близок к международным исследованиям, особенно неореализму. Полезными оказываются и публикации, анализирующие проблематику секьюритизации технологий – самостоятельного направления исследований, де-факто, однако, связанного с вопросами санкций, геополитических и торговых противоречий. В совокупности эти две группы работ и связанных с ними концепций оказались наиболее полезны с учетом наработок по иным вышеуказанным блокам исследований.

Мотивы и движущие силы технологической войны

Прежде всего, целесообразно проанализировать мотивы и движущие силы американо-китайской технологической войны, определяющие стратегию США. Максимально упрощая и схематизируя наблюдаемые процессы, можно выделить три группы факторов: геополитическое противостояние и международно-политические противоречия, торговая война и протекционизм и, наконец, тесно связанные с ними (и с внутривнутриполитическими факторами) проблемы секьюритизации технологий.

Наиболее очевидно геополитическое содержание, мотивы и драйверы американской стратегии и самой технологической войны. Они связаны с задачами

¹ Ostry, Nelson 1995; Montresor 2001; Nakayama 2012; Kennedy 2013; Kim et al. 2020. См. также: Robert A. Manning, "Techno-Nationalism vs. the Fourth Industrial Revolution," *Global Asia* 14, no 1 (March 2019), accessed November 25, 2020, https://www.globalasia.org/v14no1/cover/techno-nationalism-vs-the-fourth-industrial-revolution_robert-a-manning; Alex Capri, "Techno-nationalism: The US-China tech innovation race," *Hinrich Foundation*, August 2020, accessed November 25, 2020, <http://surl.li/jreb>; Andreas Kuehn, and Bruce McConnell, "Weathering TechNationalism: A Security and Trustworthiness Framework to Manage," *EastWest Institute*, 2020, accessed November 25, 2020, <https://www.eastwest.ngo/sites/default/files/ideas-files/weathering-technationalism.pdf>; Alex Capri, "Techno-nationalism and diplomacy: The US-China race to reshape alliances, institutions and standards," *Hinrich Foundation*, October 2020, accessed November, 25, 2020, <http://surl.li/jrek>.

ограничения потенциала КНР – в том числе в логике «ловушки Фукидида»¹. Удар по китайскому технологическому сектору был направлен, с одной стороны, на ограничение военно-технических возможностей Китая и его совокупного потенциала. Это вполне открыто заявлялось администрацией Д. Трампа, в том числе применительно к вопросу о «двойном» характере технологического развития КНР (включая так называемую военно-гражданскую интеграцию)². С другой стороны, политика США направлена на снижение потенциала развития китайской экономики и предотвращение возможности ее перехода на более высокий уровень (как это и понимает китайская сторона³). Эта цель определяется ролью производства и экспорта цифровой продукции для экономики Китая, структурообразующим значением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и крупнейших корпораций (*Huawei, ZTE, Alibaba, Tencent* и др.) для развития сектора хай-тек КНР и – шире – китайской инновационной системы. Говоря о геополитических факторах, любопытно отметить, что и сами дискуссии о 5G (в меньшей мере – по искусственному интеллекту и иным технологиям) ведутся с использованием едва ли не маккиндеровских геополитических формулировок (логика «кто контролирует цифровые технологии X, тот доминирует в мире»).

Далее, рационально обратиться к анализу технологического противостояния в контексте двусторонних торгово-инвестиционных противоречий.

Прежде всего, речь идет о международно-экономическом и глобальном измерении национальной конкурентоспособности США: о борьбе за перспективные глобальные технологические рынки и контроль над ними, в том числе в части экспорта наукоемких цифровых услуг и оборудования, инвестиционной экспансии, включая поглощение стартапов, иных перспективных технологических компаний и проч. Отдельным вопросом в связи с этим является снятие барьеров на доступ технологических корпораций США на рынки КНР. Эта задача тем более значима, что в КНР до недавнего времени были де-юре и остаются до сих пор де-факто ограниченными возможности иностранных инвестиций во многие стратегические секторы экономики. Кроме того, по политическим (цензура) и экономическим (поддержка национальных компаний) причинам на китайском рынке запрещены или серьезно ограничены возможности работы американских интернет-сервисов (*Facebook, Google, Amazon* и др.). То же можно сказать и об импорте и реализации раз-

1 Опасения усиления КНР до уровня, когда она сможет сместить США с позиции ведущей сверхдержавы. О феномене «ловушки Фукидида» см.: Allison 2017. См. также: Steinbock 2018; Sun 2019; Chen et al. 2020.

2 Steinbock 2018; Sun 2019. См. работы в качестве примера официальной позиции США: Ana Swanson, Paul Mozur, and Steve Lohr, "U.S. Blacklists More Chinese Tech Companies Over National Security Concerns," *The New York Times*, June 21, 2019, accessed November 25, 2020, <https://www.nytimes.com/2019/06/21/us/politics/us-china-trade-blacklist.html?auth=login-email&login=email>; "Commerce Department Adds 24 Chinese Companies to the Entity List for Helping Build Military Islands in the South China Sea," *The U.S. Department of Commerce, Press-release*, August 26, 2020, accessed November 25, 2020, <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2020/08/commerce-department-adds-24-chinese-companies-entity-list-helping-build>; "Chinese Technology Transfer Challenges to U.S. Export Control Policy," Remarks by Dr. Christopher Ashley Ford, Assistant Secretary, Bureau of International Security and Nonproliferation, CSIS Project on Nuclear Issues, July 11, 2018, accessed November 25, 2020, <https://www.state.gov/remarks-and-releases-bureau-of-international-security-and-nonproliferation/chinese-technology-transfer-challenges-to-u-s-export-control-policy/>; John R. Shane, and Lori E. Scheetz, "Commerce Department Further Restricts U.S. Exports to China, Russia, and Venezuela; Aims to Combat China's Military-Civil Fusion Strategy," *Wiley*, April 28, 2020, accessed November 25, 2020, <https://www.wiley.law/alert-Commerce-Department-Further-Restricts-U-S-Exports-to-China-Russia-and-Venezuela-Aims-to-Combat-China-s-Military-Civil-Fusion-Strategy>.

3 См., например: Трыш 2018; Лексюткина 2020; Adam Segal, "Seizing Core Technologies: China Responds to U.S. Technology Competition," *China Leadership Monitor*, The Washington International Trade Association (WITA), January 06, 2019, accessed November 25, 2020, <https://www.wita.org/nextgentrade/china-responds-u-s-tech-competition/>.

личных американских аппаратных решений (ранее – в том числе мобильных телефонов), включая нетарифные ограничения в виде системы уникальных национальных технических стандартов¹.

Во-вторых, наряду с предотвращением нечестной конкуренции наблюдаются и классические протекционистские мотивы, связанные с защитой национального рынка и американского технологического бизнеса от китайской экспансии в принципиально важных для будущего экономики технологических областях². Заметим в этой связи, что, хотя большинство американских цифровых корпораций проявляют очень сдержанную позицию относительно технологических санкций Белого дома (в силу собственных бизнес-интересов в КНР), часть из них объективно заинтересована в ограничении китайской конкуренции. Показательным примером в данном отношении является роль, приписываемая основателю и руководителю *Facebook* М. Цукербергу, в продвижении идей о запрете *TikTok* в США³. Другим важным индикатором значимости этого мотива является давно дискутируемый вопрос о дефиците США в торговле высокотехнологичной продукцией с КНР, хотя немалая его часть – импорт продукции американских фирм. В Вашингтоне как минимум с конца 2000-х гг. обсуждается проблема потерь американской экономики, включая сектор хай-тек, от агрессивной торговой политики КНР, усиленной скрытой господдержкой, демпингом, кражей интеллектуальной собственности и иными нечестными практиками⁴.

Своего рода промежуточное положение между экономическими, геополитическими и отчасти дискурсивными (см. ниже) соображениями занимают мотивы, связанные с национальной экономической безопасностью. Для США в данном случае речь идет о стратегической независимости от неамериканских (особенно из страны-противника / оппонента) поставщиков критических технологий, минимизации рисков кибершпионажа⁵.

Наконец, в качестве специфического мотива технологического противостояния США и Китая выступают процессы секьюритизации. Это касается как собственно прорывных цифровых гражданских и «двойных» технологий⁶, так и научно-технологических ресурсов (кадры, компетенции, венчурный и иной умный капитал, образовательная система и проч.).

Не вызывает сомнений, что секьюритизация играет огромную роль в разматывании маховика американо-китайской технологической войны. Если говорить о США, то сами формулировки санкций и обеспечивающих решений связаны как раз с представлением и вербализацией китайской технологической мощи как угрозы.

Хотя формально проблематика секьюритизации занимает подчиненное положение относительно более общих геополитических факторов, в части прорывных технологий она приобретает до некоторой степени самостоятельное значение.

1 Kshetri et al. 2011; Shim, Shin 2016; Qin 2019; Kim et al. 2020.

2 Steinbock 2018; Sun 2019.

3 Georgia Wells, Jeff Horwitz, and Aruna Viswanatha, "Facebook CEO Mark Zuckerberg Stoked Washington's Fears About TikTok," *The Wall Street Journal*, August 23, 2020, accessed November 25, 2020, <https://www.wsj.com/articles/facebook-ceo-mark-zuckerberg-stoked-washingtons-fears-about-tiktok-11598223133>.

4 Помимо работ советника Д. Трампа П. Наварро, достаточно подробное изложение суммы претензий американской стороны к КНР можно найти, например, в работах влиятельного «мозгового центра» ITIF, специализировавшегося в том числе на анализе китайской технологической экспансии и ее угрозе для США. См., например: Atkinson, Ezell 2012.

5 См. об этом, в частности: Лексютина 2020, 89.

6 См., например, анализ данного феномена применительно к военным технологиям: Чеков 2020.

С одной стороны, речь идет о частном случае концепции «технологической неопределенности»¹. Учитывая не вполне представимые пределы возможностей и угроз современных цифровых технологий, часть американских военных и властных элит опасается уязвимости перед растущей цифровой мощью КНР. Одновременно она стремится максимально капитализировать ситуацию пока еще сохраняющегося лидерства США в цифровом сегменте (включая его финансовые, институциональные и другие аспекты). Это, в свою очередь, стимулирует и геополитические, и торгово-экономические конфликты.

С другой – процесс секьюритизации цифровых технологий поддерживается с обеих сторон широкими и хорошо наблюдаемыми альянсами заинтересованных. Формально стратегические цели (доминирование США, новая роль Китая в глобальной иерархии) на поверку нередко оказываются еще и факторами сложной внутривнутриполитической борьбы (для сравнения: китайская тема в предвыборной борьбе Д. Трампа и Дж. Байдена). В бизнес-сообществе, в свою очередь, актуальны мотивы нечестной конкуренции, усиления внутриэкономических позиций и / или формирования новых возможностей рентного поведения в рамках политики импортозамещения.

Технологическая война: Business as Usual?

Несложно заметить, что при всем различии рассмотренных факторов – даже с учетом доминирования условно-геополитических соображений – они вполне органично сочетаются друг с другом, формируя внутренне непротиворечивую базу системного противостояния КНР и стратегии США. Несмотря на то что в каждом случае технологическая тематика вписана в мотивы и процессы более высокого уровня, она имеет вполне самостоятельное значение и в ряде случаев обеспечивает логическое единство различных направлений политики США. В этом смысле технологическая война как самостоятельное направление стратегии США вопросов не вызывает. Однако имеем ли мы дело с новым феноменом или с новым проявлением хорошо известных процессов?

Формально наблюдаемая ситуация находит множественные исторические параллели и аналогии. Если говорить о торгово-экономическом измерении проблемы, то при всем огромном значении современных цифровых технологий как объекта противостояния подобный конфликт не уникален. Противоречия в технологической сфере, доходящие до протекционистских и иных ограничительных мер, были, например, характерны для взаимоотношений США и Японии в 1980-х гг.² Даже если говорить о технологических отношениях США – КНР³, то история взаимных претензий, включая давление США по отмене китайских ограничений в сегменте хай-тек, прослеживается уже в 2000-х гг.⁴

1 Истомина 2020.

2 См. хотя бы: Robert Reich, "The Rise of Techno-nationalism: In the Emerging Debate about How to Restore America's Technological Pre-eminence, We Are Misconstruing the Problem and Advancing the Wrong Solutions," *Atlantic Monthly*, May 1987, p. 62–70, accessed November 25, 2020, <http://surl.li/jvco>; Nakayama 2012; Kim et al. 2020.

3 См., например: Kennedy 2013; Evenett 2019a. Характерно, что за более активное давление на КНР против протекционизма и иных архаичных форм промышленной политики призывали многие политические деятели и интеллектуалы. Ср. работы ITIF: Atkinson, Ezell 2012.

4 См., например: Shim, Shin 2016.

Неуникальны и протекционистские мотивы в политике США, хорошо вписывающиеся в тренды, актуальные для развитых стран начиная как минимум с кризиса 2008–2009 гг. (в том числе против КНР)¹. Как представляется, помимо реакции на кризис в изменившихся реалиях глобальной экономики и торговли, а также в связи с ростом популизма, это является следствием переосмысления западными странами, и прежде всего Соединенными Штатами, баланса выгод и рисков либеральной модели глобализации, которая привела к незапланированному усилению КНР.

История санкций тоже дает нам богатую пищу для исторических аналогий, а стратегия США более-менее соответствует ее классическим примерам². Налицо не буквальные, но все же параллели современной ситуации с технологическими ограничениями стран НАТО против СССР и стран Восточного блока в рамках деятельности Координационного комитета по экспортному контролю (COCOM). Однако и после 1991 г. технологические санкции оставались важным элементом сдерживания развития оппонентов, недопуска к новым военно-техническим возможностям, принуждения к уступкам. Характерным примером являются, например, санкции против Ирана³. КНР также неоднократно выступала объектом пусть и более мягких, но вполне значимых санкций. Помимо запрета европейскими странами и США экспорта вооружений и военной техники в Китай после событий на площади Тяньаньмэнь, можно указать на целый ряд иных мер. Например, ужесточение экспортного контроля США в сфере ракетных и спутниковых технологий с конца 1990-х гг. в ответ на утверждения о нелегальном доступе Китая к некоторым важным решениям в данной сфере, а также запрет, введенный в 2011 г. на тесное взаимодействие NASA с китайскими структурами⁴.

Неудивительно, что, по мнению таких классиков изучения санкций, как Г. Хафбауэр, политика Д. Трампа против КНР является простой эволюцией существующих подходов и практик санкционного давления⁵. Вплоть до того, что в качестве *casus belli* против некоторых китайских технологических компаний использовались обвинения в нарушении прав человека, в том числе против национальных меньшинств в Синьцзян-Уйгурском автономном округе⁶. Примечательно, что, несмотря на расширение полномочий существующих надзорных органов и новой интерпретации старых нормативно-правовых актов, администрации Д. Трампа в ее технологическом «крестовом походе» против Китая не понадобился ни принципиально новый инструментарий, ни разработка новой нормативно-правовой базы⁷.

Наконец, феномен секьюритизации технологий и научно-технологических ресурсов не является новым или уникальным – особенно для случаев геополити-

1 Evenett 2019a; Evenett 2019b; Sun 2019.

2 Kaempfer, Lowenberg 2007; Hufbauer et al. 2008.

3 Fakhari 2017.

4 См., например, об основных событиях: Pete Spotts, "NASA's Bolden walks tight rope on China trip," The Christian Science Monitor, October 16, 2010, accessed November 25, 2020, <https://www.csmonitor.com/Science/2010/1016/NASA-s-Bolden-walks-tight-rope-on-China-trip>; William Petland, "Congress Bans Scientific Collaboration with China, Cites High Espionage Risks," Forbes, May 7, 2011, accessed November 25, 2020, <http://surl.li/jvjd>; David Lague, "Special Report-In satellite tech race, China hitched a ride from Europe," Reuters, December 22, 2013, accessed November 25, 2020, <http://surl.li/jvds>; "U.S. Space industry 'deep dive' assessment: impact of U.S. export controls on the space industrial base," U.S. Department of Commerce, Bureau of Industry and Security, Office of Technology Evaluation, February 2014, accessed November 25, 2020, <http://surl.li/jvdu>.

5 Hufbauer, Euijin 2020.

6 См., например: David Shepardson, and Josh Horwitz, "U.S. expands blacklist to include China's top AI startups ahead of trade talks," Reuters, October 7, 2019, accessed November 25, 2020, <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-exclusive/us-expands-blacklist-to-include-chinas-top-ai-startups-ahead-of-trade-talks-idUSKBN1WM25M>.

7 Лексютин 2020, 91.

тического соперничества и сложных международно-политических отношений. Опустим вопрос о том, что технологии сами по себе являются лишь частным случаем секьюритизации стратегических ресурсов, будь то углеводороды (например, противоречия России и ЕС по вопросам энергетической безопасности начиная с 2000-х гг.) или даже пространства (как, например, в случае с Арктикой). Но и применительно к научно-технологической сфере секьюритизация была и остается широко распространенной практикой. Яркие примеры дает космическая сфера. Хорошо известен «эффект спутника» для внутри- и внешнеполитических, экономических и военных процессов и стратегий на Западе. Однако секьюритизация космических технологий была характерна и для вполне союзнических отношений США и стран Западной Европы. Европейские политики едва ли не с 1970-х гг. оценивали свою зависимость от американских космических возможностей как угрозу и уязвимость, поощряя развитие европейского космического сектора (от вывода грузов на орбиту до системы спутниковой навигации *Galileo*)¹. Акценты секьюритизации космической отрасли прекрасно иллюстрируют слова президента Франции Ж. Ширака, заявившего в 1990-х гг., что без собственных космических возможностей Европа обречена быть «вассалом» Америки².

Поэтому тот факт, что объектом секьюритизации выступают цифровые технологии, является вполне закономерным. Будучи классическими технологиями широкого применения (*General Purpose Technologies*), имеющими критическое значение для экономического и военного потенциала страны и неясные пределы возможностей и рисков, они всегда являлись объектом дискурса вызовов и угроз, и за последние 20 лет этот тезис подтверждается эволюцией проблем кибербезопасности: от рассуждений о хакерских атаках и интернет-террористических актах в 1990-х гг.³ до обвинений РФ в кибератаках против государств Запада⁴. По мере развития технологии «Интернета вещей», социальных сетей и иных сложных решений, где установление реального события априори проблематично, секьюритизация цифровых технологий становится все более актуальной, простой и политически удобной темой, нередко оказываясь идеальным выражением «теоремы Томаса».

Цифровое противостояние: новый феномен и новая реальность

Итак, казалось бы, нельзя говорить о новизне ни стратегии США, ни самого феномена технологической войны. В конечном счете, хотя технологии и оказывают существенное воздействие на международные процессы, балансы сил и т.д., но на длительных временных горизонтах радикально их не меняют вне более широкого комплекса ресурсных, институциональных и иных экономических и политических факторов⁵.

Однако речь в данном случае идет не столько о долгосрочном изменении баланса сил, сколько о вполне конкретной стратегии в сфере противостояния

1 См. подробнее в: Johnson-Freese, Erickson 2006.

2 Ibid., 17.

3 Furnell, Warren 1999.

4 См., например, по ситуации в этой сфере до Крымского кризиса: Hansen, Nissenbaum 2009.

5 В частности, данная идея обосновывалась в исследовании И.А. Истомина и И.В. Данилина, по итогам которого был сделан совместный доклад «Меняют ли технологии международную систему?» на VIII Всероссийском конгрессе политологов (Москва, РАН, 6–8 декабря 2018).

сверхдержав. И здесь ситуация заметно отличается от прошлых конфликтов и сильно выбивается из наблюдавшихся еще недавно экономических и политических трендов.

Во-первых, по сравнению с 1970–1990-ми гг. процессы долгосрочного экономического и военно-технического развития и взаимосвязанные с ними геополитические факторы стали намного теснее коррелировать с коммерческими технологиями и технологическими рынками. При этом США едва ли не впервые столкнулись с ситуацией наложения геополитического противостояния и рыночной конкуренции в сфере прорывных технологий – еще и с почти равным оппонентом.

Чуть более подробно поясним последний тезис. Если говорить о послевоенном противостоянии США и СССР, то Советский Союз был в каких-то областях сопоставим, в каких-то равен, а в чем-то превосходил США по важнейшим военным и «двойным» технологиям. Страны были сопоставимы и по масштабу, и по сложности экономики. Но, во-первых, разрыв по размеру номинального ВВП между США и СССР даже в середине 1980-х был почти в 1,2–1,4 раза выше, чем между США и КНР к концу 2010-х гг.¹ Во-вторых, СССР не конкурировал с США в сфере гражданских коммерческих технологий на мировых рынках, включая советский и американский. В условиях холодной войны это было неосуществимо, а СССР не претендовал на лидерство в коммерческой технологической сфере в силу специфики избранной экономической модели. Что касается конкуренции с Японией в 1970–1990-е гг., то, кроме десятилетия 1987–1996 гг., номинальный ВВП США превышал японский в 2 и более раз (то есть разрыв между ВВП двух стран был в 1,5–2 раза больше, чем между США и КНР в настоящее время). Что касается международной конкуренции, то ситуация была зеркальной отношениям США – СССР. Системная конкуренция в сфере коммерческого хай-тека была налицо (преимущественно в 1980-е – первую половину 1990-х), но затрагивала лишь ряд подотраслей микроэлектроники и электронной продукции (зато об американо-японском геополитическом противостоянии говорить не приходилось).

Во-вторых, налицо также коррекция подходов к экономической глобализации, стремление компенсировать «провалы» (с точки зрения интересов США и их стремления к сохранению лидерства) глобальных институтов регулирования. В частности, весьма специфично выглядит массовое использование достаточно специализированных инструментов технологических санкций и иных торгово-экономических ограничений, связанных с технологической сферой, протекционизма и вскрытия рынков, не практиковавшихся западными странами с 1980-х гг. Это тем более необычно, учитывая закономерности развития цифровой индустрии, где еще 5 лет назад представить себе сложившуюся ситуацию было вряд ли возможно.

Наконец, не стоит сбрасывать со счетов и специфику перспективных цифровых технологий в их взаимосвязи с международными процессами.

1 Огромной сложностью подобных вычислений являются статистические ограничения, в частности, слабая возможность сравнения ВВП двух стран по паритету покупательной способности. При сопоставлении разрывов в размерах ВВП относительно США и СССР, США и Японии использовались данные изданий CIA Factbook, данные Всемирного банка ("GDP (current US\$)," World Bank, accessed November 25, 2020, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=chart>.) и ООН по национальным счетам ("National Accounts – Analysis of Main Aggregates (AMA)," UN Statistics Division, accessed November 25, 2020, <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Index>).

В последние три десятилетия развитие глобального ИКТ-сектора отличалось высоким уровнем интернационализации, международной кооперации, мощными глобальными стоимостными цепочками с расширенным аутсорсингом. Помимо естественных процессов научно-технологической и производственной специализации, эксплуатации конкурентных преимуществ (для развитых стран – мощных компетенций, для развивающихся стран Тихоокеанской Азии – дешевой рабочей силы и проч.) и разделения рисков и издержек, интернационализация подпитывалась двумя трендами. С одной стороны, обеспечением глобального доступа к квалифицированным кадрам, инновационным предпринимателям, разработчикам, умному капиталу, сложившимся инновационным институтам, экосистемам и кластерам, определяющим конкурентоспособность и развитие ИКТ в будущем. С другой – для новых цифровых технологий (интернет-решения, искусственный интеллект, большие данные) – доступом к первичным данным как новому стратегическому ресурсу цифровой экономики. В условиях растущей конкуренции США и Китая ценность и значение этих ресурсов возрастают, а доступ к ним действительно становится одним из ключевых факторов реализации цифрового лидерства.

Таким образом, несмотря на очевидные исторические параллели, технологическая война США и Китая – это не обычная торговая война, «типичные» санкции или иные традиционные феномены. Это элемент системной борьбы сверхдержав в сравнительно новом глобальном пространстве критических коммерческих технологий и технологической ренты, имеющих большое значение для усиления потенциалов развития, структурирования международных отношений и решения иных задач лидерства. Другой вопрос, что в этом качестве он явно сохраняет преемственность по отношению к геополитическим и экономическим конфликтам прошлого, являясь, скорее, эволюцией существующих подходов и решений, учитывающей новую роль и значение цифровых технологий в современном мире.

Американская стратегия и технологическая война как проявление технонационализма

Анализ мотивов, политического и экономического содержания, исторического контекста американских действий в разворачивающейся технологической войне позволяет нам корректно концептуализировать стратегию США. Наиболее удобной в данном случае оказывается адаптированная концепция (нео)технонационализма.

Исторически термин «технонационализм» является не вполне точным переводом лозунга японского Министерства внешней торговли и промышленности «Построим нацию на основе науки и технологий» (*"kagaku gijutsu rikkoku"* – 科学技術立国), активно применявшегося в период укрепления японского национального промышленно-технологического потенциала¹. Во второй половине 1980-х гг. он, однако, стал использоваться также американскими авторами для описания протекционистской политики США в ответ на японскую технологическую угрозу, как и

1 Nakayama 2012.

японских протекционистских технологических стратегий¹. Этот термин тесно смыкался по смыслу с понятием «технологического меркантилизма» и его аналогами.

Хотя технонационалистические акценты были всегда характерны для развитых стран и самих США², в последние десятилетия фокус исследований и дискуссий по технонационализму сместился в сторону развивающихся стран Азии, где феномен получил наиболее яркие и характерные формы³. Именно на основе азиатских кейсов концепция и оформилась окончательно в 1990-е гг. Под технонационализмом понимался акцент элит на развитии национального научно-технологического потенциала и технологическом суверенитете в ключевых (под)отраслях. Это, в свою очередь, рассматривалось как один из важнейших факторов конкурентоспособности, национального развития и комплексной национальной экономической безопасности⁴. Заметим, что, хотя концепция изначально применялась преимущественно к экономической политике, некоторые авторы уже тогда считали правомочным включать в нее вопросы, связанные с усилением военно-технического потенциала, совокупной мощи и международного влияния⁵.

В своей рыночно-экономической интерпретации технонационализм изначально противопоставлялся техноглобализму, который понимался как достижение конкурентоспособности и развития через интеграцию в глобальное разделение труда и стоимостные цепочки (ГСЦ), а также иные международные и транснациональные процессы.

Это, казалось бы, непротиворечивое концептуальное определение подверглось существенному испытанию в связи с опытом КНР в конце 1990-х и особенно в 2000-х гг. Ведущая роль прямых иностранных инвестиций, активное участие КНР в глобальном разделении труда и иные процессы привели западных авторов к переосмыслению феномена в виде формулы неотехнонационализма⁶. Она предполагала достижение традиционных технонационалистических целей через техноглобальные инструменты либеральных торгово-инвестиционных режимов, включая интеграцию в ГСЦ развитых стран.

При наличии коррекции на новые экономические условия и проблематику противостояния сверхдержав концепция неотехнонационализма оказывается наиболее полезной для анализа и концептуализации стратегии США в технологической войне с КНР и самого феномена такой войны, что косвенно подтверждается и ростом апелляций к идеям неотехнонационализма со стороны западных авторов в последние годы⁷.

Наблюдаемые процессы действительно могут быть описаны как попытка США обеспечить глобальное экономическое и геополитическое лидерство за

1 Robert Reich, "The Rise of Techno-nationalism."; Nakayama 2012.

2 Ostry, Nelson 1995; Johnson-Freese, Erickson 2006; Mazzucato 2011; Wade 2014; Andreas Kuehn, and Bruce McConnell, "Weathering TechNationalism."

3 Во многом это является политической проекцией экономических дискуссий о стратегиях роста развивающихся стран. См., например: Wade 2018.

4 С кратким обзором эволюции термина и его значений можно ознакомиться в: Ostry, Nelson 1995; Montresor 2001; Nakayama 2012; Kennedy 2013; Shim, Shin 2016; Kim et al. 2020.

5 Kennedy 2013; Shim, Shin 2016; Kim et al. 2020; Andreas Kuehn, and Bruce McConnell, "Weathering TechNationalism."

6 Kennedy 2013; Shim, Shin 2016; Kim et al. 2020.

7 См., например: Robert A. Manning, "Techno-Nationalism vs. the Fourth Industrial Revolution," *Global Asia* 14, no 1 (March 2019), accessed November 25, 2020, https://www.globalasia.org/v14no1/cover/techno-nationalism-vs-the-fourth-industrial-revolution_robert-a-manning; Andreas Kuehn, and Bruce McConnell. "Weathering TechNationalism."; Alex Capri, "Techno-nationalism: The US-China tech innovation race."

счет усиления национального технологического потенциала и конкурентоспособности с особым акцентом на контроль над глобальными рынками и технологическими процессами. Причем важнейший аспект неотехнонационализма предполагает не только традиционное участие в глобальных экономических процессах и максимизацию технологической ренты, но и преференциальный доступ к глобальным ресурсам цифрового развития: от научно-технологических и кадровых до первичных данных и системы стандартов. В этот широкий концептуальный контекст органично вписываются все наблюдаемые процессы: от санкций до расширенной секьюритизации технологий и данных, выполняющей важную мобилизационную функцию для (нео)технонационалистических усилий.

Рамочные концептуальные установки усиливаются структурирующей ролью цифровых технологий для некоторых международных процессов.

Если опустить вопрос влияния перспективных цифровых технологий на возможности в дипломатической сфере¹, они оказывают существенное, непосредственное влияние на систему отношений и партнерств. Хорошим примером являются технологии 5G, имеющие критическое значение для развертывания так называемых умных инфраструктур (города, электросети, дороги и проч.) и взаимосвязанных решений (цифровое здравоохранение, промышленность – в идеологии «Индустрия 4.0», автономный транспорт и т.д.). Действительно, выбор в пользу того или иного стандарта 5G предполагает рост долгосрочной взаимозависимости экономики-донора и акцептора. Это связано с высокой капиталоемкостью масштабирования телекоммуникационных систем, невозможностью быстрой и полной замены оборудования, особым вниманием к преемственности (по линии производителя) систем разных поколений². С учетом сокращения числа участников рынка, способных выработать ряд перспективных цифровых стандартов и базовых технологий в сфере телекоммуникаций, микроэлектроники и иных отраслях, системы технических стандартов в значительной мере станут также отображением силы связей между различными странами.

Важен и проявившийся в ходе технологической войны феномен контроля над системообразующими ИКТ – от интеллектуальной собственности до поставок оборудования и программных средств – в качестве инструмента системного влияния на партнеров и давления на оппонентов. Наиболее явно это проявилось в сфере микроэлектроники. Хотя ограничения США как страны-держателя ключевых производственных технологий в данной сфере не остановили развитие технологической базы ИКТ КНР, но существенно удорожили и удлиннили его, нанесли существенный ущерб крупным китайским корпорациям и обеспечили целый ряд иных негативных долгосрочных последствий, вплоть до потери части рынков³.

1 См., например, краткий обзор и анализ в: Данилин 2020а.

2 Примечательна ситуация по «большой тройке» операторов мобильной связи в ФРГ (*Deutsche Telekom, Vodafone и Telefónica*), которые приняли условия по развертыванию сетей 5G на основе переоборудования инфраструктуры 4G. Значимую роль в этом процессе сыграла *Huawei*, так как от 45–50 до 65% оборудования 4G в ФРГ являются продукцией *Huawei*. См.: Moritz Koch, and Stephan Schueur, "Das bedeutet die Huawei-Entscheidung für die deutschen Netze," Handelsblatt, November 23, 2020, accessed November 25, 2020, <http://surl.li/jwbfb>.

3 См., например: Torsten Riecke, "Resilience and Decoupling in the Era of Great Power Competition," China Monitor, MERICS, August 20, 2020, accessed November 25, 2020, https://merics.org/sites/default/files/2020-08/Merics_ChinaMonitor_PowerCompetition.pdf; Данилин 2020b.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что стратегия США по противодействию КНР в цифровой сфере основывается на эволюции концепций неотехнонационализма. Этот процесс развивается под влиянием глобализации экономики, американо-китайского геополитического противостояния и специфики новых цифровых технологий и рынков. Даже безотносительно к объективным условиям, это ведет к изменению воззрений элит на роль рыночно-технологических процессов в цифровой сфере как новой арены глобальной конкуренции сверхдержав. Поэтому в будущем технологические конфликты могут стать системным и самостоятельным феноменом, тем более что значение мировых рынков для цифрового развития, а также связанных с ним категорий экономической (в том числе научно-технической), военной, мягкой силы будет только нарастать, усиливая технонационалистические дискурсы.

В этом смысле политика США 2017–2020 гг. не имела конъюнктурного характера и не была обусловлена личностными установками Д. Трампа, тем более что изменение подходов во взаимодействии с КНР можно отследить как минимум со второй администрации Б. Обамы. Различия курса Б. Обамы (а ныне – Дж. Байдена) и Д. Трампа в этом отношении имеют, скорее, тактический характер. Демократы избирают совокупность односторонних ограничений, акцентируя внимание на значении многосторонних торгово-экономических режимов (например, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, *TTIP*, и Транстихоокеанское партнерство, *TAP*) как средства сдерживания КНР, в том числе в технологической сфере. Д. Трамп же сделал ставку на односторонние санкции и более жесткое давление в логике торговых войн XX в. Причем его жесткий политический курс был частично обусловлен совокупностью накопившихся противоречий и проблем, включая неэффективность предшествующих усилий технологического сдерживания Китая, торговой войной, общим ростом геополитического напряжения между сверхдержавами. Можно предположить, что политика Д. Трампа была необходимым шагом, обеспечившим разрушение старых, не всегда релевантных «правил игры», что открыло возможность для поиска новых решений. Индикатором полезности для США этого «созидательного разрушения» является то, что при всей критике «трампизма» отказываться от его наследия демократы явно не собираются.

Стратегически такая жесткая линия ставит под угрозу рыночные и инновационные процессы в цифровой сфере, что неприемлемо ни для мировой экономики, ни для ключевых государственных и бизнес-участников рынка. Союзники США также не воодушевлены избыточным бесцеремонным давлением Вашингтона.

Соответственно, в период новой администрации ожидаема нормализация инструментария неотехнонационалистической повестки в пользу формирования прежде всего техноэкономических режимов – по аналогии с торгово-экономическими режимами и как их органическая часть. Речь идет о совокупности гармонизированных институтов, технических стандартов и иных формальных и неформальных правил. Если проводить аналогии с междуна-

родными исследованиями, то феномен режимов близок к понятию структурной силы (*structural power*)¹.

Фактически мы уже наблюдаем складывание подобных режимов на примере ЕС, реализующего концепции цифрового / технологического суверенитета², и Китая – в рамках концепции «Цифрового Шелкового пути» как органической части мегапроекта «Пояс и путь».

Как следствие, технологическая война сверхдержав переходит в системную стадию, основанную на неотехнонационалистических подходах и воззрениях, а точнее – их дальнейшей эволюции. Эта стадия вряд ли будет столь же богата на яркие события и громкие заявления, но имеет более принципиальное значение для будущего баланса сил в мире и нового формата глобальных технологических процессов.

1 См., например: Culpepper 2015; Gwynn 2019.

2 Mark Scott, "What's driving Europe's new aggressive stance on tech," Politico, October 27, 2019, accessed November 25, 2020, <https://www.politico.eu/article/europe-digital-technological-sovereignty-facebook-google-amazon-ursula-von-der-leyen/>; "Expanding the EU's digital sovereignty," Official web-site of Germany's Presidency of the Council of the European Union, 2020, October 27, 2019, accessed November 25, 2020, <https://www.eu2020.de/eu2020-en/eu-digitalisation-technology-sovereignty/2352828>; Tambiama Madiaga, "Digital sovereignty for Europe," European Parliamentary Research Service, EPRS Ideas Paper, July 2020, accessed November 25, 2020, [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI\(2020\)651992_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Данилин, И.В. Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам? // Вестник МГИМО-Университета. – 2020А. – Т.13 (1). – С.100–116. doi:10.24833/2071-8160-2020-1-70-100-116 [Danilin, Ivan V. "The Impact of Digital Technologies on Leadership in Global Processes: from Platforms to Markets?" [Vliyanie cifrovyykh tekhnologiy na liderstvo v global'nykh processakh: ot platform k rynkam?] *MGIMO Review of International Relations* 13, no. 1 (2020): 100–116] [In Russian].
- Данилин, И.В. Американо-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора // Сравнительная политика. – 2020В. – Т.11 (4). – С.160–176. doi: 10.24411/2221-3279-2020-10056 [Danilin, Ivan V. "The U.S.-China Technology War: Risks and Opportunities for P.R.C. and Global Tech Sector." [Amerikano-kitaiskaia tekhnologicheskaja voyna: riski i vozmozhnosti dlia KNR i global'nogo tekhnologicheskogo sektora] *Comparative Politics Russia* 11, no. 4 (2020): 160–176] [In Russian].
- Истомин, И.А. Миражи инноваций: «вклад» технологического прогресса в военную нестабильность // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13 (6). – С. 7–52. doi: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-7-52 [Istomin, Igor A. "Innovation Mirage: The Role of Technological Uncertainty in Military Instability." [Mirazhi innovatsii: «vklad» tekhnologicheskogo progressa v voennuju nestabil'nost'] *MGIMO Review of International Relations* 13, no. 6 (2020): 7–52] [In Russian].
- Лексютина, Я.В. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64 (6). – С. 85–93. doi: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93. [Leksjutina, Yana V. "US-China Relations 2018-2019: Trade War and Decoupling Process." [Amerikano-kitaiskie otnosheniya v 2018–2019 gg.: trgovaja vojna i process dekaplinga] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* 64, no. 6 (2020): 85–93] [In Russian].
- Труш, С.М. Торговая война Д. Трампа против КНР: события, мотивации, внутренний контекст // Россия и Америка в XXI веке. – 2018. – Вып. 3. https://rusus.jes.su/s207054760000047-8-1 [Trush, Sergey M. "Donald Trump's trade war against China: events, motivations, internal context." [Torgovaja vojna D. Trampa protiv KNR: sobytija, motivatsii, vnutrennij kontekst] *Russia and America in the 21st Century* 3 (2018)] [In Russian].
- Салицкий, А.И., Семенова, Н.К. США–Китай: анатомия торгового конфликта // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2019. – Т. 223 (4). – С. 60–72. doi: 10.31857/S086919080005960-3 [Salickij, Alexander I., and Nelly K. Semenova. "USA-China: an anatomy of a trade conflict." [SShA–Kitaj: anatomija trgovogo konflikta] *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoria i sovremennost* 4, no. 4 (2019): 60–72] [In Russian].
- Чеков, А.Д. Проблема влияния передовых военных технологий на стратегическую стабильность // Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации. Сборник материалов круглого стола. – М.: ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет», 2020. – С. 532–539 [Chekov, Alexander D. "The problem of the influence of emerging military technologies on strategic stability" [Problema vlijanija peredovykh voennykh tekhnologij na strategicheskiju stabil'nost'] In *Sovremennij miroporjadok i ego vlijanie na nacional'nuju bezopasnost' Rossijskoj Federacii*, 532–539. Moscow: FGBOU VO "Moskovskij politehnicheskij universitet," 2020] [In Russian].
- Эльянов, А.Я. НТП и экономическая политика на периферии мирового хозяйства // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 4. – С. 74–85 [El'janov, Anatoly Ya. "Science and technology progress and economic policy on the periphery of the world economy." [NTP i jekonomicheskaja politika na periferii mirovogo hozjajstva] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4 (2005): 74–85] [In Russian].
- Allison, Graham. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
- Atkinson, Robert D., and Stephen J. Ezell. *Innovation Economics*. New Hampshire: Yale University Press, 2012.
- Chen, Anthony W., Jim Chen, and V. Reddy Dondeti. "The US-China Trade War: Dominance of Trade or Technology?" *Applied Economics Letters* 27, no. 11 (June 24, 2020): 904–9. doi:10.1080/13504851.2019.1646860.
- Evans, Paul. "Techno-Nationalism in China-US Relations: Implications for Universities." *East Asian Policy* 12, no. 02 (April 6, 2020): 80–92. doi:10.1142/S1793930520000161.
- Evenett, Simon J. "The Smoot-Hawley Fixation: Putting the Sino-US Trade War in Contemporary and Historical Perspective." *Journal of International Economic Law* 22, no. 4 (December 20, 2019a): 535–55. doi:10.1093/jiel/jgz039.
- Evenett, Simon J. "Protectionism, State Discrimination, and International Business since the Onset of the Global Financial Crisis." *Journal of International Business Policy* 2, no. 1 (March 26, 2019b): 9–36. doi:10.1057/s42214-019-00021-0.
- Fakhari, Hussein. "The Long-Term Impact of Economic Sanctions on the Technological Development of Iran." In *The Development of Science and Technology in Iran*, 243–65. New York: Palgrave Macmillan US, 2017. doi:10.1057/978-1-137-57257-8_14.
- Furnell, Stephen M., and M.J. Warren. "Computer Hacking and Cyber Terrorism: The Real Threats in the New Millennium?" *Computers & Security* 18, no. 1 (January 1999): 28–34. doi:10.1016/S0167-4048(99)80006-6.
- Hansen, Lene, and Helen Nissenbaum. "Digital Disaster, Cyber Security, and the Copenhagen School." *International Studies Quarterly* 53 (2009): 1155–1175.
- Hufbauer, Clyde G., Jeffrey Schott, Kimberly A. Elliott, and Barbara Oegg. *Economic Sanctions Reconsidered*. 3rd Edition. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2008.
- Hufbauer, Gary Clyde, and Eujiin Jung. "What's New in Economic Sanctions?" *European Economic Review* 130 (November 2020): 103572. doi:10.1016/j.eurocorev.2020.103572.
- Johnson-Frees, Joan, and Andrew S. Erickson. "The Emerging China-EU Space Partnership: A Geotechnological Balancer." *Space Policy* 22, no. 1 (February 2006): 12–22. doi:10.1016/j.spacepol.2005.11.001.
- Kaempfer, William H., and Anton D. Lowenberg. "Chapter 27 The Political Economy of Economic Sanctions," 867–911, 2007. doi:10.1016/S1574-0013(06)02027-8.
- Kennedy, Andrew B. "China's Search for Renewable Energy." *Asian Survey* 53, no. 5 (October 1, 2013): 909–30. doi:10.1525/as.2013.53.5.909.
- Kim, Mi-jin, Heejin Lee, and Jooyoung Kwak. "The Changing Patterns of China's International Standardization in ICT under Techno-Nationalism: A Reflection through 5G Standardization." *International Journal of Information Management* 54 (October 2020): 102145. doi:10.1016/j.ijinfomgt.2020.102145.
- Kshetri, Nir, Prashant Palvia, and Hua Dai. "Chinese Institutions and Standardization: The Case of Government Support to Domestic Third Generation Cellular Standard." *Telecommunications Policy* 35, no. 5 (June 2011): 399–412. doi:10.1016/j.telpol.2011.03.005.
- Li, Minghao, Edward J. Balistreri, and Wendong Zhang. "The U.S.–China Trade War: Tariff Data and General Equilibrium Analysis." *Journal of Asian*

Economics 69 (August 2020): 101216. doi:10.1016/j.asieco.2020.101216.

Mascitelli, Bruno, and Mona Chung. "Hue and Cry over Huawei: Cold War Tensions, Security Threats or Anti-Competitive Behaviour?" *Research in Globalization* 1 (December 2019): 100002. doi:10.1016/j.resglo.2019.100002.

Mazzucato, Mariana. *The Entrepreneurial State – Debunking Public vs. Private Sector Myths*. London: Demos, 2011.

Montresor, Sandro. "Techno-Globalism, Techno-Nationalism and Technological Systems: Organizing the Evidence." *Technovation* 21, no. 7 (July 2001): 399–412. doi:10.1016/S0166-4972(00)00061-4.

Nakayama, Shigeru. "Techno-Nationalism versus Techno-Globalism." *East Asian Science, Technology and Society* 6, no. 1 (January 1, 2012): 9–15. doi:10.1215/18752160-1504708.

Qin, Julia Y. "Forced Technology Transfer and the US-China Trade War: Implications for International Economic Law." *Journal of International Economic Law* 22, Issue 4 (December 2019): 743–762. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgz037>.

Shim, Yongwoon, and Dong Hee Shin. "Neo-Techno Nationalism: The Case of China's Handset Industry." *Telecommunications Policy* 40, no. 2–3 (2016): 197–209. doi:10.1016/j.telpol.2015.09.006.

Steinbock, Dan. "U.S.-China Trade War and Its Global Impacts." *China Quarterly of International Strategic Studies* 04, no. 04 (January 11, 2018): 515–42. doi:10.1142/S2377740018500318.

Sun, Haiyong. "U.S.-China Tech War." *China Quarterly of International Strategic Studies* 05, no. 02 (January 8, 2019): 197–212. doi:10.1142/S237774001950012X.

Ostry, Silvia, and Richard R. Nelson. *Techno-nationalism and techno-globalism*. Wash., D.C.: The Brookings Institution, 1995.

Wade, Robert H. "The paradox of US industrial policy: The developmental state in disguise." In: *Transforming Economies: Making industrial policy work for growth, jobs and development*, edited by José M. Salazar-Xirinachs, Irmgard Nübler, Richard Kozul-Wright, 379–400. Geneva: ILO, 2014. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_315679.pdf.

Wade, Robert H. "The Developmental State: Dead or Alive?" *Development and Change* 49, Issue 2 (March 2018): 518–546. <https://doi.org/10.1111/dech.12381>.

Сведения об авторе

Иван Владимирович Данилин,

к.пол.н., заведующий Отделом науки и инноваций ИМЭМО РАН,

старший научный сотрудник, Москва, Россия. Ул. Профсоюзная, 23, 117997.

e-mail: danilin.iv@imemo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 16 декабря 2020. Принята к публикации: 27 января 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности

Автор выражает благодарность с.н.с., доценту МГИМО МИД России, к.пол.н. И.А. Истомину за консультации по вопросам теоретических аспектов современных международных исследований, а также руководителю Рабочей группы глобализации военно-экономических процессов ИМЭМО РАН, к.пол.н. М.Г. Евтодьевой за ценные комментарии, высказанные в процессе подготовки данной статьи.

Цитирование

Данилин, И.В. Концептуализация стратегии США в технологической войне против КНР: экономика, политика, технонационализм //

Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (4). – С. 21–38.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-4-21-38>

Conceptualizing American Strategy in the Technology War Against China: Economy, Geopolitics, Techno-Nationalism

ABSTRACT

The paper examines the so-called U.S.-China “tech war” of 2017–2020 in the sphere of cutting-edge digital technologies, its origins, factors, and other aspects, with a focus on the American strategy to limit China’s opportunities for technological development. The purpose of this study is to conceptualise the American tech war strategy and to assess the character and prospects of technology conflicts. The article represents the study with the use of comparative, historical approaches, the elements of systematic economic analysis, and some elements of neorealist and constructivist approaches. Based on the examination of key drivers of the tech war (with regard to the U.S. position), as well as the comparative historical analysis of the observed processes and the instruments implemented to fight for technological leadership, it concludes that technology conflict is a new phenomenon, determined, among other things, by the specifics of digital technologies and economic changes of recent decades, which at the same time preserves natural continuity in relation to the past geopolitical and economic conflicts and existing strategies and tools. Taking into account the peculiarities of the new conflict and digital technologies it deduces that it is possible to describe the U.S. policy in the framework of an adjusted concept of neo-techno nationalism (strengthening national technological potential and sovereignty through global economic instruments). It is noted that in the context of the digital revolution and in the analysis of the clash of superpowers this concept implies that goals are achieved through providing preferential access to such specific development resources as global human capital and big primary data, the formation of systems of standards, etc. In the conclusion, it is highlighted that the U.S. strategy under Trump, which led to a tougher American course in the tech war with China, was determined by objective circumstances as well as by personal traits of the president. In particular, such circumstances include the need to break old ineffective practices to design new solutions and approaches. The author draws a conclusion that in the future the United States will focus on building techno-economic regimes as a more systemic strategy for waging a technology conflict considering adjusted neo-techno national logic.

KEYWORDS

emerging digital technologies, sanctions, USA, China, techno-nationalism

Author

Ivan V. Danilin,

PhD in Political Sciences, Head of Department for Science and Innovation, IMEMO RAS,
23 Profsoyuznaya St., Moscow, 117997.

e-mail: danilin.iv@imemo.ru

Additional information

Received: December 16, 2020. Accepted: January 27, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interests was reported by the author.

Acknowledgements

The author expresses his gratitude to the Research Fellow, Associate Professor at MGIMO Istomin I.A. (PhD), for his insightful comments on theoretical aspects of the study. I also thank the Head of the Working group on Globalization of Military-Economic Processes at IMEMO RAS Evtodieva M.G. (PhD) for her valuable advice made during this paper's preparation.

For citation

Danilin, Ivan V. “Conceptualizing American Strategy in the Technology War Against China: Economy, Geopolitics, Techno-Nationalism.”

Journal of International Analytics 11, no. 4 (2020): 21–38.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-4-21-38>